

Се Цзюнь достал из старого шкафа с облупившейся красной краской чистый стеклянный стакан.

Налив в него теплой воды, он поставил стакан на прикроватную тумбочку, а сам закутался в одеяло, плотно укутавшись с головы до пят.

Рядом стояла простая кровать, застеленная мягким пледом нежного кремового оттенка.

Он некоторое время смотрел на нее своими красивыми глазами, словно о чем-то задумавшись, затем тихо прикрыл веки и, шурша одеялом, отвернулся.

В голове у Се Цзюня царил беспорядок. Почему?

Да потому что только что Вэнь Цзюэ держала его за лодыжку!

Даже если она не демонстрировала силу альфы, жесткие мозоли на ее подушечках пальцев, коснувшиеся его кожи, оставили слишком отчетливое, тягучее ощущение, которое было невозможно забыть.

Он сыграл в нескольких популярных мелодрамах, где ему доставались роли альфа. Он прекрасно знал: как бы альфа ни был нежен с омегой, он никогда не откажется от своего доминирующего статуса. Чаще всего их ласка — это лишь высокомерное подаяние, замаскированное под любовь.

Но действия Вэнь Цзюэ перевернули его мировоззрение. Мужчина, который почти забыл о своей природе омеги, в одно мгновение смутился до полной растерянности. Он стыдливо вытянул пальцы ног, спрятанные в одеяле, — они горели так, будто их коснулись женские губы.

В этот момент свет погас.

Темнота была похожа на иссохший колодец: стоило чему-то коснуться ее дна, как она начинала жадно впитывать это в себя.

— У меня еще два условия, — Се Цзюнь закутался в одеяло еще плотнее. Мягкий ворс прошелся по коже подбородка, оставив на нежной коже едва заметный красный след, которого он даже не заметил.

Вэнь Цзюэ лежала на простой кровати, сложив руки на животе. Услышав его голос, она открыла глаза.

Она равнодушно посмотрела на маленькую красную точку в темноте.

— Говорите, господин Се Цзюнь. — Ее голос звучал так же мягко и чарующе, как обычно, но в глубине глаз, устремленных в пустоту, застыл пугающий холод. В темноте у Вэнь Цзюэ было два лица.

Недавно Се Цзюнь снимался в проекте, где главный герой был крайне самовлюбленным типом, к которому на шею вешался нежный омега. В те моменты, когда герой проявлял любовь, капризы омеги казались ему лишь пикантной игрой. В сценарии были сцены, от которых воротило.

Но сейчас, вспоминая их, он не чувствовал прежнего отвращения. Мужчина моргнул и прямо заявил:

— Во-вторых, как бы вы ни были заняты, вы должны видаться со мной каждый вечер...

Он проявил хитрость. Хотя он не знал, в какой глуши ему придется сниматься, Вэнь Цзюэ была его стабильной опорой. Если из-за беременности он не сможет удовлетворить эту хозяйку, а ее переманит какая-нибудь другая вертихвостка, он останется без куска хлеба.

Се Цзюнь очень дорожил своей кормушкой.

— Простите, господин, это условие невыполнимо.

Едва Вэнь Цзюэ закончила фразу, он рывком откинул одеяло. Кожа под ним покраснелась от жары, пушистый шерстяной свитер сполз с плеча, а на лице появилось обиженное выражение. Светло-серебристые волосы были слегка растрепаны.

В нем совсем не осталось лоска топового артиста.

Его взгляд упал на длинные, сложенные на груди руки Вэнь Цзюэ в темноте.

Он молча сглотнул.

Весь его запал мгновенно погас, и он стал покорным, как ягненок:

— Ну... у омег во время беременности случаются гормональные сбои. Если вы не будете приходить, мне придется колоть ингибиторы, а в новостях пишут, что в них полно гормонов! — Голос мужчины слегка дрогнул. Вспомнив ежедневные заголовки в терминале, он поспешно добавил: — Беременные омеги не вынесут такой дозы гормонов. — Се Цзюнь надул губы и демонстративно положил руку на свой плоский живот. Он отбросил одеяло, обнажив полоску белоснежной кожи. — А если родится уродливый ребенок, что тогда?!

Он сам поверил в свои слова, хотя все эти страшилки про гормоны вычитал в каком-то

сомнительном чате.

Вэнь Цзюэ повернула голову и посмотрела на Се Цзюня. Ее взгляд невольно задержался на его руке, лежащей на животе, и сердце омеги пропустило удар.

— Семь дней. Человеку нужно всего семь дней, чтобы привыкнуть.

Женщина говорила неторопливо:

— Господин, мы же договорились в самом начале: лучше не привыкать друг к другу. Или... — В глазах Вэнь Цзюэ читалась отчужденность, та самая дистанция, которую Се Цзюнь считал непреодолимой. — Мы будем делить одну привычку на двоих.

Когда она замолчала, в комнате стало так тихо и темно, будто здесь никто не жил.

Се Цзюнь протрезвел. Все эти прикосновения к лодыжкам, проживание на вилле Цзяошань, сон в одной комнате...

Ничего из этого ничего не значило.

Они остались в тех же отношениях, что и в начале.

Хозяйка и питомец.

Просто теперь к этому добавился комочек плоти в животе.

Он небрежно улыбнулся, облокотился на подушку и, лениво вытянув руку, обнажившую нежную кожу, хмыкнул:

— Хорошо, пусть будет встреча раз в неделю.

— Если мы привыкнем видеться на восьмой день, то... — Се Цзюнь сидел близко к краю кровати, в его светлых зрачках отражалась тьма. Он смотрел на Вэнь Цзюэ, но словно бы и не видел ее. Его губы изогнулись в намеке. — Это будет только ваша проблема, — добавил он с вызовом.

Вэнь Цзюэ повернула голову. В лунном свете, падающем из окна, особенно отчетливо выделялась хрупкая шея Се Цзюня. Ее можно было обхватить одной рукой, и если приложить хоть немного силы...

Интересно, стала бы эта шея дергаться в сопротивлении, обнажая свою порочную красоту?

— Хорошо, — кивнула она. Этот ответ был подобен азарту в игре, адреналин в крови подтверждал ее готовность рискнуть.

Вэнь Цзюэ была игроком. Безжалостным игроком.

Под оболочкой высокомерной, недостижимой мягкости скрывалась жажда риска.

— Каким будет третье условие?

Эта хрупкая шея, скрытая в тени, стала для альфы главным призом. Она задала вопрос, подавляя в себе странное волнение. Влажные от пота ладони напоминали ей: она зашла слишком далеко.

Се Цзюнь не заметил перемены в женщине. Он твердил про себя: не входи в роль. Игра в хозяйку и питомца — штука опасная.

Он подтянул одеяло ногами, накрыл живот и лег ровно.

— Третье условие пока придержу, скажу потом. — В тех нелепых сценариях, где он снимался, обычно было три обещания, и последнее всегда использовали для спасения жизни. Се Цзюнь всегда знал, когда нужно проявить благоразумие.

Он дорожил своей жизнью, как и деньгами.

Вэнь Цзюэ была явно разочарована тем, что переоценила мужчину.

Это было похоже на бесконечный цикл: пустота души, за которую цеплялась надежда, словно ветка, а затем неизбежное падение, заставлявшее ее с нетерпением ждать следующей ветки.

— Хорошо, господин Се Цзюнь.

Она прикрыла глаза и добавила:

— Когда придумаете — говорите.

Каждый слог звучал безупречно — мягко и приятно.

*

Когда Сун Фэйюй появился на вилле Цзяошань, он держал в руках розовый ланч-бокс с

кружевами. На нем было приталенное шерстяное пальто, популярное среди омег зимой, которое делало его юное личико еще более трогательным.

— Дорогой! — приторно воскликнул Сун Фэйюй.

Се Цзюнь нахмурился, когда на него набросился омега.

Сун Фэйюй прошептал ему на ухо:

— По бокам двое папарацци, неподалеку инфракрасные камеры.

Сказав это, он похлопал Се Цзюня по плечу своими маленькими кулачками и наигранно засмеялся:

— Ну что ты такой вредный... Я принес тебе обед с любовью!

Се Цзюнь включил своего внутреннего актера, обхватил не такую уж тонкую талию Сун Фэйюя, контролируя дистанцию, и изобразил выражение лица, подходящее альфе, хотя это давалось ему с трудом.

— Обед с любовью... это ведь ты сам? — Если это и можно было назвать признанием, то прозвучало оно слишком громко, словно он читал текст с листа.

Сун Фэйюй замер, сохраняя вид кокетливого смущения:

— Ну ты даешь! — После чего, прижавшись к Се Цзюню, они направились внутрь.

Если бы не обмен бизнес-ресурсами с Ли Лань, он бы в жизни не поперся в такую даль ради этого спектакля. Тьфу, аж голова разболелась.

Как только дверь закрылась, Се Цзюнь оттолкнул омегу!

Он вскинул брови:

— Сколько же на тебе духов?! Этот запах просто с ума сводит! — Се Цзюнь с отвращением начал тереть рукав, пытаясь избавиться от въедливого аромата.

Сун Фэйюй прислонился к двери и усмехнулся:

— Это естественный запах тела!

Он прошел в комнату.

— Ого, а тут просторно. Наверное, немало здесь кувыркались, да?

Сун Фэйюй часто играл с Се Цзюнем в одних сценах. В индустрии его называли ангелом с чистым взглядом, и его фанатами были в основном задроты-беты.

Но в частной жизни он был тем еще любителем приключений.

Конечно, имея покровителя, он ничего не боялся. Покровителем Сун Фэйюя был избалованный богатый наследник, известный в кругах тем, что не отказывался ни от кого, с кем его сводили. Се Цзюня это всегда раздражало, а когда этот тип уселся на его диван, это стало последней каплей!

— Встань! — С тех пор как Се Цзюнь начал притворяться альфой, сил у него стало больше, чем у обычного омеги.

Он дернул его за руку!

Сун Фэйюй с грохотом рухнул на пол, ударившись бедром, и застонал:

— Твою мать! Се Цзюнь, ты что, больной? — Его голос звучал тонко и жалобно, без капли угрозы.

Се Цзюнь уставился на него, но с упавшей на глаза челкой он выглядел не слишком устрашающе.

— Грязная тварь, не смей садиться на мой диван!

— Да пошел ты! Кого ты называл грязным?!

— Тебя, ангел с чистым взглядом!

— Не смей меня бесить, Се Цзюнь! Ты же типа крутой альфа-босс!

— Сун Фэйюй!

— Се Цзюнь!

Они стояли друг напротив друга, как два петуха, и яростно сверкали глазами.

У Се Цзюня разболелись глаза. Он прислонился к дивану, скрестил руки на груди и, глядя сверху вниз на Сун Фэйюя, который потирал ушибленное бедро, спросил:

— Кто дал тебе адрес?

— Ли Лань! — огрызнулся Сун Фэйюй, поднимаясь с пола. Он все-таки испугался этого хищного взгляда Се Цзюня.

Он сел на мягкий пуфик.

— Что она тебе пообещала? — Се Цзюнь начал раздражаться. Раз это дело рук Ли Лань, значит, за его спиной снова торгуют ресурсами.

Сун Фэйюй сжал запястья и фыркнул:

— С чего бы мне тебе говорить? — Сказал он это без особой уверенности. Се Цзюнь годами создавал себе имидж крутого альфы, и Сун Фэйюй, будучи лишь актером второго плана, не решался идти на открытый конфликт.

— Лучше скажи, иначе... — Се Цзюнь посмотрел на свои часы и улыбнулся: — Я выставлю тебя за дверь, а там полно репортеров.

— Тогда прощай твоя карьера и все пиар-романы. — Он сделал вид, что собирается встать.

Сун Фэйюй поспешно воскликнул:

— Скажу! Скажу! — Его изящные брови болезненно дернулись. Он медленно встал и решил пойти на попятную: — Дай попить, в горле пересохло.

Се Цзюнь бросил на него взгляд, зная, что от Сун Фэйюя добра не жди, и пригрозил:

— Не вздумай хитрить. Оставь свои штучки для своих покровителей.

Сун Фэйюй снова надулся:

— У тебя все равно денег нет, мне-то какой смысл?

— Ты... — Се Цзюнь сверкнул глазами.

— Говорю же, скажу... — Лицо Сун Фэйюя помрачнело, словно ему было стыдно. В частных

беседах они часто обсуждали такие вещи как пикантную забаву, но под серьезным взглядом Се Цзюня он испугался, что его вышвырнут, и крепко вцепился в пуфик. — Ли Лань пообещала мне главную роль в следующем проекте в паре с популярным айдолом. — Сун Фэйюй отвел взгляд, словно пытаясь спрятаться.

Се Цзюнь не выдержал и, подойдя ближе, надавил:

— А ты? Что должна сделать ты?!

Сун Фэйюй замялся. Он тоже нервничал, боясь сделать что-то, что разозлит Вэнь Цзюэ.

Ему ведь придется бесстыдно ее соблазнять.

Сун Фэйюй пробормотал что-то невнятное, тихо, как комар.

— Громче! Ты что, не ел?!

Се Цзюнь был на пределе, ему казалось, что ребенку в животе тоже не по себе, и он невольно прижал руки к животу.

Сун Фэйюй, испугавшись крика, вытаращил глаза и заорал:

— Ли Лань сказала, что я, мать твою, забеременел от тебя!

— Тот тест на беременность, который ты купил, предназначался для меня!!!

<http://bllate.org/book/21233/2148330>